

ЗАВТРАК НА ТРАВЕ

Драма в двух действиях

Действующие лица:

РИТА

ЛОРА

АННА СЕРГЕЕВНА

ЛЮСЯ

ЕВДОКИМОВ

ВОЛОШИН

ДУБРОВИН

МОСТОВОЙ

СОЛДАТЫ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

1

Мотель средней руки в лесу, недалеко от дороги. Вестибюль. Из ресторана доносятся голоса, смех, музыка. Свет нервозно мигает. Атмосфера тревоги. Рита, в мужском свитере, джинсах, сидит в кресле, курит. Из ресторана появляются Анна Сергеевна и Евдокимов. Евдокимов сжимает ей локоть, что-то шепчет на ухо.

А н н а С е р г е е в н а (хохочет). Прекратите! Бессовестный человек... Прекратите! (Неудержимо хохочет.) Прекратите! Если вы не прекратите, мне будет плохо! (Падает в кресло неподалеку от Риты. Евдокимов подсаживается рядом.) Я все время смеюсь! Это от вина. Я же совершенно не пью вина!

Е в д о к и м о в. Даже шампанского?

А н н а С е р г е е в н а. Абсолютно!

Е в д о к и м о в. А вчера?

А н н а С е р г е е в н а. Вчера мы пили коньяк.

Е в д о к и м о в. Да, вчера еще был коньяк.

А н н а С е р г е е в н а. Я пью коньяк. Конечно, в разумных дозах.

Е в д о к и м о в. Разумная вы наша! Аристократичная вы наша! Коньячная вы наша! (Шепчет ей что-то на ухо.)

А н н а С е р г е е в н а (хохочет). Пре-кратите! Вот, у меня уже начинает болеть голова. Завтра я умру от головной боли! (Хохочет.) Пре-кратите!

Из ресторана доносится новая волна музыки.

Е в д о к и м о в. Танцевать! Танцевать! Танцуют все!

Евдокимов настойчиво увлекает Анну Сергеевну в зал.

А н н а С е р г е е в н а. Сумасшедший человек! В жизни столько не танцевала! Завтра я не встану!

Появляются Дубровин и Мостовой. Дубровин – в потертom и неряшливом джинсовом костюме. Мостовой в военной форме, с одутловатым лицом давно не спавшего человека.

Д у б р о в и н. Моя жена...

Рита быстро встала. Красивая женщина. Если бы не злое, ожесточенное выражение лица, особенно проявившееся сейчас, когда все пошло не так, как ей хотелось.

Р и т а. Мы из отпуска... Ужасно устали! Ты сказал? Мой муж – доктор наук, член кор. Этого-то он не скажет! После завтра ему вылетать в Оксфорд

Д у б р о в и н. Рита... тут... небольшое происшествие...

М о с т о в о й. Больше не обязательно.

Д у б р о в и н. Она тоже... в каком-то смысле... научный работник.

М о с т о в о й. Тем не менее.

Д у б р о в и н. Короче, мы с тобой поехали лесом...

Р и т а. Ты поехал лесом! Не мы, а ты! Так и скажи!

Д у б р о в и н (после паузы). Я поехал лесом.

Р и т а. Я не хотела ехать этим проклятым лесом! Где наша машина? Пусть нам вернут машину! Ты объяснил? Нас ждут! Я две недели не видела свою дочь, а после завтра мы вылетаем!

М о с т о в о й (Рите). Можете подселиться к женщинам в четырнадцатый номер. (Дубровину.) А вы располагайтесь где-нибудь здесь...

Р и т а (после паузы). Моего мужа пригласили в Оксфорд! Вы это понимаете? Вас приглашали в Оксфорд? Кого-нибудь из ваших знакомых приглашали в Оксфорд? Здесь дует!

Д у б р о в и н. Извините ее, вы же видите – она не в себе.

Р и т а. Я хочу домой! Это же недалеко! Меньше часа по прямой дороге!

М о с т о в о й. От поездок пока придется воздержаться.

В дверях шум. Двое солдат ввели Юлю и Феликса, молодых людей не старше восемнадцати.

Ю л я(вырвалась). Пустите меня! Мне же больно! Вот дурак! (Бросилась к Мостовому, сразу определяя в нем главного.) Что вам от нас надо? Что мы сделали? Костер жгли? Так мы бы потушили! Пусть они нам палатку вернут! Знаете, сколько она стоит?

М о с т о в о й. У вас есть документы?

Ю л я. Какие документы? Почему у нас должны быть документы? Мы просто сидели у костра!

Мостовой что-то говорит по радиации, отдает приказание солдатам, те уходят.

М о с т о в о й(Юле и Феликсу). Пройдемте...

Ушли.

Д у б р о в и н(после паузы). Хочешь есть?

Р и т а(глянула на дверь ресторана, с ужасом). Там? Нет... (После паузы.) Если бы не ты, мы бы не поехали лесом! Я не хотела ехать этим проклятым лесом! Это все твой идиотизм, твое упрямство!

Д у б р о в и н(миролюбиво). Наши недостатки – обратная сторона наших достоинств.

Р и т а. Сейчас никому нет дела до твоих достоинств! (Швырнула на диван дорожную сумку.) Устраивайтесь, профессор! Спокойной ночи, профессор! Приятных сновидений, профессор!

Д у б р о в и н. Да ладно тебе. Все образуется.

Р и т а(после паузы). Где наша машина?

Д у б р о в и н. Приказала долго жить. (Засмеялся.)

Р и т а. Как это?

Д у б р о в и н. Вот так! (Смеется.)

Р и т а. Ты ненормальный? Я... я всю зиму ходила в этой ободранной шубе – полукоза, полукролик!

Д у б р о в и н. Ладно. Главное, мы целы. А машину купим.

Рита с помертвевшим лицом идет по лестнице на второй этаж. Появились Юля и Феликс.

Ф е л и к с. Ты же знаешь, она отцовская. Ты понимаешь? Отец с меня шкуру спустит!

Ю л я. Я ничего не могла, ты же видел...

Ф е л и к с. Он не знал, что я ее взял!

Ю л я. Феликс, я же не виновата! В чем я виновата?

Устраиваются на креслах в вестибюле, ложатся, отвернувшись друг от друга.

(После паузы.) Феликс!.. Феликс!...

Ф е л и к с. Что тебе?

Ю л я. Я же не виновата... Почему ты так со мной?

Ф е л и к с(после паузы). Если бы ты уехала вместе со всеми, я бы костер не жег. Лег спать и все.

Ю л я. Ты же сам захотел, чтобы я осталась!

Ф е л и к с. Это ты захотела.

Ю л я. Неправда! Ты -- тоже.

Ф е л и к с(после паузы). Зачем ты только поехала...

Ю л я. Почему ты так со мной?

Ф е л и к с. Отстань! Не мешай спать!

Ю л я(после паузы). Феликс... Феликс...

Второй этаж. Холл. В полумраке прохаживает Лора, что-то шепчет. Из номера выходит Рита в халате, наброшенном прямо на свитер и джинсы.

Р и т а(в изнеможении). Невозможно заснуть! (Прислушалась к доносящейся снизу музыке.) Они долго еще будут буйствовать?

Л о р а. Часов до трех.

Р и т а. Откуда вы знаете?

Л о р а. Это уже несколько дней.

Р и т а. Но я хочу спать! Страшно хочу спать!

Л о р а. Завтра выспитесь. Днем здесь вообще делать нечего, только спать.

Р и т а. Я тут до завтра с ума сойду. (После паузы.) А вы что делаете?

Л о р а(усмехнулась). Я? Медитирую.

Р и т а. Это, как йоги, что ли?

Л о р а. Да, как йоги.

Р и т а. Интересно!

Л о р а. Если не верите, лучше не пытайтесь. У вас ничего не получится.

Р и т а. Да я и не пытаюсь! (После паузы.) Ну а у вас-то, интересно, получается?

Л о р а. У меня получается.

Р и т а. Вы с кем общаетесь? С Богом? С космосом? С высшим разумом?

Л о р а. Раз вы не верите, что об этом говорить.

Р и т а. А вы меня убедите! Ведь хорошо верить во что-то!

Л о р а. Таковую, как вы, не убедишь.

Р и т а. Это верно. (После паузы.) Сумасшедшие, когда они успокоятся? (После паузы.) А вы что теряетесь? Почему не веселитесь? А, да, забыла... Вы – йог, у вас ограничения.

Л о р а. Нет у меня никаких ограничений. Просто не хочется. (После паузы.) Вы так со мной говорите... Вы, наверное, думаете – я вас младше.

Р и т а. А разве нет?

Л о р а. Я вас старше.

Р и т а. Вряд ли!

Л о р а. Мне тридцать девять.

Р и т а(рассматривает Лору). Неплохо. Вы молодец!

Л о р а. Думаете, у меня была легкая жизнь?

Р и т а. У каждого – своя жизнь. Посмотришь – красавица, умница, все есть. А это только со стороны. Вы, конечно, не замужем?

Л о р а. Откуда вы знаете?

Р и т а(усмехнулась). Жизненный опыт. Достаточный. Хотя я и младше вас. (После паузы.) Вот, на первый взгляд мне больше повезло в жизни... Знаете, где я предполагала быть буквально уже послезавтра? Не поверите... В Лондоне! (Истерически хохочет.) В Лондоне! А вместо этого... вот. Влипли мы с вами! Во что-то мы с вами влипли!

Л о р а. А я не считаю, что вам больше повезло в жизни.

Р и т а. Да?

Л о р а. Вы счастливы?

Р и т а. Детский вопрос! Я – довольна. Этого мало?

Л о р а. Вы не из тех, кто бывает счастлив.

Р и т а. Это почему?

Л о р а. Вы такая... Не то, что колючая, а бывает вот нитки спутаются...

Р и т а. Откуда вы знаете?

Л о р а. Тоже жизненный опыт.

Р и т а. ...У меня чудесная дочь... от первого брака... Муж... Редкий специалист...
Выдающийся человек! (После паузы.) А вы были счастливы?

Л о р а. Конечно. Я вообще счастливая. Не зависимо от обстоятельств.

Р и т а. А, вы себя обманываете! Вы себе это внушили! Вы такая же упрямая, как я.
Только в своем роде.

Появляются Евдокимов, Анна Сергеевна и Волошин.

А н н а С е р г е е в н а. Нет, никаких игр, никакого чая! Вы провожаете меня в номер и
укладываете в постельку.

Е в д о к и м о в. Бай-бай, моя прелесть!

А н н а С е р г е е в н а. Тш... В двадцать первом номере проживает очень суровая дама,
главный бухгалтер... Она нам вчера такое устроила! Тш... Устала, просто
умираю...(Остановилась.) Все! Дальше не провожать!

Е в д о к и м о в. А кто же вас уложит в постельку, моя прелесть? (Шепчет ей что-то на
ухо.)

А н н а С е р г е е в н а. Уйдите, уйдите, Евдокимов! Не то я опять начну смеяться. Для
моих сосудов это просто зарез! А потом еще выскочит дама из двадцать первого номера,
главный бухгалтер, и даст мне по голове калькулятором! (Хохочет.) Тш... Тш...

Анна Сергеевна скрылась в номере.

Е в д о к и м о в(заметил Лору и Риту). Не спите? (Подходит, тянет за собой Волошина.)
Разрешите представить – Волошин! Посмотрите на него в профиль! (Рите.) Вам нравятся
красивые мужчины? Не все эти рекламные слюнвявые красавчики, я имею в виду именно
мужиков. Красивых мужиков! Вы посмотрите! (Поворачивает Волошина, тот покорно
подчиняется.) Да не на меня! Что я? Так, фавн, заурядный сатир... А этот, мерзавец,
прямо полубог.

Р и т а. Мой первый муж был красивым, и ничего хорошего из этого не вышло.

Е в д о к и м о в. Никаких мужей! Здесь нет ни мужей, ни жен! Одни свободные,
жизнерадостные люди! Виват! Как вас зовут?

Р и т а. Рита.

Е в д о к и м о в. Отлично! А вас?

Л о р а. Лора..

Е в д о к и м о в. Внизу мы уже пьем кофе. Рита и Лора, не хотите присоединиться? У Анны Сергеевны сосуды, ей надо бай-бай! А вот в ваши юные годы не должно быть никаких сосудов вообще. Никаких сосудов! Они-то где-то есть, конечно, но вы их не ощущаете.

Р и т а. Кофе я бы с удовольствием. Я после кофе лучше сплю.

Е в д о к и м о в. Замечательно. А вы, Лора?

Л о р а. Спасибо, я не хочу.

Е в д о к и м о в. Категорически?

Л о р а. Не уговаривайте меня. Я не люблю, когда меня уговаривают. Я кофе вообще не пью.

Е в д о к и м о в. Ну, воля ваша. (Рите.) Это совсем рядом. Вниз и налево.

Рита сбрасывает халат, все трое уходят вниз. Лора, оставшись одна, опять начинает ходить по холлу, твердя свои заклинания.

Вестибюль первого этажа. Из открытой двери ресторана падает косой луч приглушенного света. Музыка уже не слышно, доносятся только тихие голоса. Выходит Рита, подходит к дивану, на котором спит Дубровин, садится на край.

Р и т а. Спишь?

Д у б р о в и н. Сплю.

Р и т а. А мне что-то расхотелось. Мы кофе пьем.

Д у б р о в и н. На здоровье.

Р и т а. С одним... очень красивым мужчиной.

Д у б р о в и н. Ты же красивых не любишь.

Р и т а. Не скажи, в этом что-то есть. Хотя бы для разнообразия.. Что? Так и будешь спать?

Д у б р о в и н. Буду спать.

Р и т а. Ну, спи, бэби...

Рита уже собирается вернуться в ресторан, как у входных дверей раздается шум, входят Мостовой и солдаты. С кресла поднялась заспанная Юля.

М о с т о в о й. Где твой дружок?

Ю л я. Не знаю...

М о с т о в о й. Что ж он тебя бросил?

Мостовой тихо отдал приказ, солдаты ушли, слышно, как отъехала машина. Мостовой направился в комнату администратора, сел и так, сидя, задремал.

Р и т а(пошла за ним следом, стучит в дверь). Можно вас?

М о с т о в о й. Кто там?

Р и т а. Мне кое-что уточнить...

М о с т о в о й. Все, что нужно, я уже уточнил вашему мужу.

Р и т а. Не все. (Яростно, как с цепи сорвалась.) Насколько я поняла, вы уже три дня собираете эту коллекцию! Не проще было бы поставить указательные знаки: «Проезд запрещен!» Там, где этот проезд запрещен!

М о с т о в о й. Сколько выдумки! (После паузы.) Жаловаться хотите?

Р и т а. Хочу!

М о с т о в о й. Жалуйтесь!

Р и т а(после паузы). Что же нам делать? Торчать здесь? Неизвестно о чем думать?

М о с т о в о й. Да вы торчите-то здесь всего несколько часов! И уже надоело?

Р и т а. Я могу написать или позвонить?

М о с т о в о й. Нет. Не можете.

Р и т а. Сколько это продлится?

М о с т о в о й. Понятия не имею.

Р и т а. Дикость какая-то!

М о с т о в о й. В Оксфорд хочется?

Р и т а. Вы – монстр!

М о с т о в о й. Не надо бросаться словами.

Подала голос рация.

Слушаю. (Рите.) Мне надо работать.

Р и т а(жалобно). Можно я побуду здесь? Там какие-то женщины... Я не привыкла... Я вторую ночь не сплю! Я хоть немного посплю!

М о с т о в о й(после паузы). Потом захлопните дверь.

Р и т а. Спасибо.

М о с т о в о й (после паузы). Только не надо хитрить. Я отключу телефон.

Мостовой ушел. Рита быстро подошла к телефону, сняла трубку.

Р и т а (тихо). Подлец...

В полумраке вестибюля, пошатываясь, идут Евдокимов и Волошин.

Е в д о к и м о в. Волошин, я все думаю, куда подевались все женщины?

В о л о ш и н. Тише, Николай Иванович, уже очень поздно.

Е в д о к и м о в. Я понимаю... Но женщины, женщины! Вот в чем вопрос! По-моему, их было несколько!

В о л о ш и н. Кофе с нами пила одна.

Е в д о к и м о в. Не может быть! Одна женщина – нет женщины, много женщин – вот это одна женщина!

В о л о ш и н. Тише, Николай Иванович, вы всех разбудите!

Е в д о к и м о в. Тьфу, черт! Здесь что, ступеньки?

В о л о ш и н. Ступеньки.

Е в д о к и м о в. Вниз или вверх?

В о л о ш и н. Конечно, вверх. Наш номер на втором этаже.

Е в д о к и м о в. А... Что-то вспоминаю... Что-то вспоминаю... Черт побери, кажется, меня развезло! Это событие надо отметить! Волошин, это второй раз в жизни! Первый было в четырнадцать лет! И пил я самогон! Валялся в каком-то хлеву. На практике, в училище. Какой-то хряк мне чуть нос не отъел! Ты когда-нибудь пил самогон?

В о л о ш и н. Пил, пил самогон.

Е в д о к и м о в. А тройной одеколон?

В о л о ш и н. И тройной одеколон пил.

Е в д о к и м о в. А политуру?

В о л о ш и н. Политуру не пил.

Е в д о к и м о в. И я не пил. Еще не все мы познали в жизни, Волошин! Слушай, это надо отметить!

В о л о ш и н. Отметим, отметим, завтра! Дайте мне вашу руку...

Евдокимов и Волошин ушли наверх. На какое-то время все стихло. Неожиданно в тишине раздается плач, похожий на собачий скулеж.

Д у б р о в и н. Кто там? Кто плачет? Кто тут? (Наощупь подошел к Юле.) Это вы? Что с вами?

Ю л я. Ни-че-го...

Д у б р о в и н. Да бросьте вы, ничего страшного с нами не случится!

Ю л я. Вы думаете?

Д у б р о в и н. Я знаю. (После паузы.) Встаньте, я кресла сдвину, вам будет удобней.

Юля оглянулась на соседнее кресло и снова заплакала.

Д у б р о в и н. Ну что вы опять?

Ю л я. Он сумку забрал! Там у меня все! Все!

Д у б р о в и н. Кто забрал сумку?

Ю л я. Феликс! А там у меня – все! Деньги, косметика...

Д у б р о в и н. Деньги, чушь! А косметику возьмете у моей жены, у нее этого добра хватает. С другой стороны, зачем вам косметика? Женщинам в возрасте, я понимаю, ничего другого не остается. А вам-то зачем? (Юля все не может успокоиться, Дубровин мучительно морщится, неловко проводит рукой по ее плечу.) Ну, хватит, хватит... (Раздраженно.) Да хватит же! (После паузы.) Сейчас я вам достану вашу косметику!

Дубровин идет наверх, на второй этаж, сталкивается с Лорой.

Не скажете, где здесь четырнадцатый номер? У меня там жена...

Л о р а. Нет ее там.

Д у б р о в и н. А где же она тогда?

Л о р а. Не знаю.

Дубровин топчется у дверей.

Я же сказала – ее там нет!

Дубровин спускается вниз. Навстречу ему, из комнаты администратора выходит Рита.

Д у б р о в и н. Что ты там делала?

Р и т а. Спала... Спала, дорогой! Умираю, хочу спать!

П

Утро следующего дня. В холле Евдокимов и Волошин играют в шахматы.

Е в д о к и м о в (подавлен, все трет рукой левую часть груди, где сердце). О, Господи! Плохо-то как! О! Отдай-ка назад офицера... Хитрый какой! Ничего не соображаю... Тьма египетская... Да не молчи ты, сфинкс! Когда общаешься, -- легче... О... Плохо мне, плохо...

В о л о ш и н. Пить надо меньше.

Е в д о к и м о в. Ка-кой он умный!

В о л о ш и н. Надо знать свою меру.

Е в д о к и м о в. Как он много знает! Запишу, выучу на память... Слушай, а где народ? Народ-то вымер.

Толкая перед собой швабру, появляется Люся – бесформенное, громадное существо лет двадцати с расплывшимся глуповатым лицом. Заметив Люсю, Евдокимов вытаскивает из кармана конфету, помахивает ей.

Л ю с я (блаженно улыбается). Это мне?

Е в д о к и м о в. Тебе, тебе! Детка, вымой-ка наш номер! Там сейчас также пакостно, как в моей пасти!

Люся не двигается с места, выжидающе смотрит на Евдокимова.

Давай, давай, детка! Справишься, я тебе еще и яблочко дам. И конфетку, и яблочко! (Помахивает конфеткой.) Красивая! Вон какая!

Люся тянет руку за конфеткой, но Евдокимов быстро прячет ее в карман.

Нет, родненькая, это потом! Вчера я тебе сразу, как говорится, все деньги на бочку, а ты у нас даже мусор не вынесла. Не помнишь уже? Ты-то не помнишь, зато я помню. Иди, детка, иди, делай свою работу.

Люся ушла, Евдокимов опять склонился над доской.

А, черт, ничего не соображаю!

В коридоре опять появилась Люся, трет шваброй пол.

Л ю с я (сама с собой). Я хорошо мою... Меня так учили... Раз смочу, два раза протру... Я два раза протираю... Как учили, так и делаю... Хорошо мою.

Евдокимов поднялся, заглянул в свой номер.

Е в д о к и м о в. Что же ты халтуришь, детка? Опять мусор не вынесла?

Л ю с я (делает вид, что не слышит). Я хорошо мою – раз смочу, два раза протру...

Е в д о к и м о в (всердцах). А, что с тобой говорить! Бери! (Отдал ей конфету.)

Л ю с я. А яблоко?

Е в д о к и м о в. Бери и яблоко! (Отдал яблоко, вернулся к шахматам.)

Люся отставила швабру, села неподалеку, вытащила из кармана ворох конфет, несколько яблок, обломки печенья, разложила все это вокруг себя и начала неторопливо поедать одно за другим.

Приятного аппетита, милая... (После паузы.) Нам бы тоже пора чего-нибудь пожевать...

Л ю с я(рассудительно). На кухне нет никого. Все ушли.

Е в д о к и м о в. Как это... ушли? Почему ушли? Кто же нас кормить будет?

Л ю с я. Никого нет на кухне. А меня не взяли, сказали – за мной приедут. Карантин, -- сказали.

Е в д о к и м о в. Кто же за тобой приедет?

Л ю с я(зло). Приедут! Кто надо, тот и приедет. (Жует.) Мама моя приедет.

В холл вышла Анна Сергеевна.

А н н а С е р г е е в н а(лучезарно). Доброе утро!

Е в д о к и м о в. Наша драгоценная!

А н н а С е р г е е в н а. Не знаю, как вы, а я прекрасно выспалась! По утрам я говорю себе, -- вставай с улыбкой! С радостью! Думай о чем-нибудь хорошем!

Е в д о к и м о в. Мудрая привычка! Вы с Волошиным у меня вообще большие мудрецы!

А н н а С е р г е е в н а. Да, рекомендую брать пример! Между прочим, и сон мне снился хороший. Я даже подумала, что к вечеру нас отсюда выпустят.

Е в д о к и м о в. Почему именно к вечеру?

А н н а С е р г е е в н а. Вы же знаете, у нас сразу не бывает. К вечеру как раз раскачаются. Это у них – ЧП, а не у нас.

Е в д о к и м о в. Если есть ЧП, оно у всех. (После паузы.) Наверное, уже коготки точите?

А н н а С е р г е е в н а. Конечно, Евдокимов! А вы как думали? Мне нужен уровень, высокое качество, безупречность! Как вы, Волошин?

Волошин молчит.

Ну, вы, конечно, спелись. Однако, не на ту напали, Евдокимов, не на ту! Я с вами и одна справлюсь.

Е в д о к и м о в. Что такое безупречность, каждый понимал по-своему. (После паузы.) День-то какой серый, паршивый...

А н н а С е р г е е в н а. Не увильвайте! Когда дело касается принципов, я не знаю жалости. (Подошла к окну.) День, как день! Я бы сказала – в изысканно-серой гамме. (Посмотрела на Евдокимова, голос смягчился.) Евдокимов, ну-ну, вставайте с улыбкой!

Выходит Рита – непричесанная, опущенная. Снизу поднимается Дубровин. Пришел Мостовой.

М о с т о в о й. Я попрошу женщин спуститься на кухню и приготовить завтрак.

А н н а С е р г е е в н а.(после паузы). Я готовила когда-то... в студенчестве... Я имею в виду – на большое количество человек...Ведь вы понимаете...на двоих-троих – это одно...

М о с т о в о й. Здесь вас будет побольше.

А н н а С е р г е е в н а. Потом, оборудование...

М о с т о в о й. Довольно примитивное. Да что там говорить! Другого варианта нет, или вы все останетесь голодными. Делайте самое простое.

Е в д о к и м о в(срывающимся от бешенства голосом). Товарищ Мостовой! Это ваша обязанность! Вы должны нам ответить! Куда девался обслуживающий персонал?

М о с т о в о й. Лично я лично вам ничего не должен.

А н н а С е р г е е в н а. Господин Евдокимов слишком эмоционален.... Но он – художник, он – скульптор...

М о с т о в о й. Я в курсе.

А н н а С е р г е е в н а. Согласитесь, должны же мы, наконец, знать, что с нами происходит?

Р и т а. Мы – живые люди.

М о с т о в о й. Вот именно. Поэтому вы должны знать только то, что вы должны знать.(После паузы.) Если что-то с оборудованием, физик вам поможет.

Мостовой ушел.

Е в д о к и м о в. Скотина.

А н н а С е р г е е в н а(кратко). Он солдат, он хам. Пойду, посмотрю, что там творится, на кухне. (Рите.) Приходите мне помогать.

Анна Сергеевна ушла.

Р и т а(после паузы). Вы действительно скульптор?

Е в д о к и м о в. Притворяюсь.

Р и т а. Никогда не видела ни одного живого скульптора.

Е в д о к и м о в. А мертвых?

Р и т а. И мертвых не видела.

Е в д о к и м о в. Вот он я. Угощаю! Пока живым. А наберетесь терпения, угощу и мертвым.

Р и т а. Как же вы в этом проклятом лесу очутились? Мы, понятно, мы из отпуска ехали. А вы?

Е в д о к и м о в. А я работу сдавал худсовету, тут, недалеко. Барельеф, в соседнем городке... Анна Сергеевна, ведущий наш критик, председатель художественного совета. (Кивнул на Волошина.) Этот сфинкс – тоже член худ.совета. Лучшие люди! Настроение отличное, день чудный! Анна Сергеевна лепечет какую-то хреновину! Внимаю с огромным удовольствием, с душевным подъемом. Предвкушаю что-то исключительно приятное. Завтрак на траве! Эдуард Мане. И тут – стоп. Приехали! Вырос перед нами этот Харон, посадил в свою ладью и перевез на ту сторону Стикса.

Р и т а. Грустная история!

Е в д о к и м о в. Еще какая! На вершине славы! Шучу! А что, Волошин? Неделю назад притащился ко мне один – маленький, плюгавый, в кепке... Режиссер! Хочет про меня фильм снимать. Не то заяка, не то картавый... Рот забит какой-то вареной картошкой... И в перемешку с этой картошкой про меня и про Родена... Ну, думаю, Евдокимов, если добрался до тебя кинематограф, то какой-то исключительно дефективный. Вот это и есть вершина твоей славы. (Рите.) Не слушайте! Смеюсь! (После паузы.) Карабкаешься на эту чертову вершину, себя мучаешь, близких изводишь... Вскрабкался... Ну? А там, простите, одни битые бутылки, консервные банки... И экскриметы... Людей и животных.

Р и т а. Примите мои соболезнования.

Е в д о к и м о в. Наконец-то! Хоть один человек меня не разубеждает!

Р и т а(Дубровину). Как спали, ваше превосходительство?

Д у б р о в и н. Нормально.

Р и т а. Не замерз? По-моему, там всю ночь хлопали дверями.

Е в д о к и м о в. Ко всему остальному свинству -- все телефоны отключены. Хотя нет, у администратора, внизу звонил...

Р и т а. Там тоже отключен.

Е в д о к и м о в. Я слышал – звонил. Наш номер как раз над. (После паузы. Размышляет.) Наш номер как раз... над. А там, между прочим, не так и высоко. Широкий карниз, труба...

Р и т а. Увлекаетесь детективами?

Е в д о к и м о в. Детективы? Терпеть не могу. Просто я по природе не жертва. Есть люди – жертвы, а я не жертва.

Р и т а. Кошмар какой-то... Как будто не с нами.

Е в д о к и м о в. С нами, моя милая! Не все с другими... Ураганы, наводнения, землетрясения... Суд природы! Сколько мы над ней, милой, поиздевались! Сколько мы ее покорежили. Никого не минует. Наконец-то с нами! (Ушел, Волошин направился за ним.)

Р и т а. Не кликушествуйте. И без того тошно.

Д у б р о в и н. Где ты была ночью?

Р и т а. Спала. Одна. Не с этим же, как говорит скульптор, Хароном.

Д у б р о в и н. А если с ним?

Р и т а. Идиот! Ты мне и так весь отпуск испортил! (Дубровин хватается за руку.) Отпусти руку! Мне больно! Идиот!

Д у б р о в и н. Зачем ты вышла замуж? Чтобы лазить по чужим постелям?

Р и т а. Идиот! Садист! Ненавижу тебя! Отпусти руку!

Д у б р о в и н. Шлюха!

Р и т а. Идиот! Дебил! (Ударила свободной рукой, вырвалась.) Видишь? Здесь будет синяк! Ты же меня исколечишь! Я уйду от тебя... Я этого не вынесу...

Д у б р о в и н. Извини... Может, я не прав...

Р и т а. Я уйду от тебя.

Д у б р о в и н. Извини...

Р и т а(заплакала, с яростью). Ты перебрал всех в нашем отделе... И испортил мне весь отпуск! А потом поехал лесом!

Д у б р о в и н. Извини... (Целует ей руки, Рита опять вырывается.) Рита... Ритуля... Извини... (Сползает к ее ногам.)

Мимо проходит Лора.

Вестибюль. В кресле, обхватив руками колени, сидит Юля. Подходит Евдокимов.

Е в д о к и м о в. Вам не предлагали пройти на кухню готовить завтрак?

Ю л я(хрипло). Нет!..

Е в д о к и м о в. Ты, вроде, не в духе, детка?

Ю л я. Иди ты, дяденька, откуда шел!

Е в д о к и м о в. Это хорошо, что дяденька... Это комплимент. На самом-то деле я уже дедушка. Черт, а ведь еще вчера звали молодым человеком!

Из ресторана вышла Анна Сергеевна.

А н н а С е р г е е в н а. Где же наш физик? Я засыпала в этот аг-ре-гат кофе, сахар, но совершенно не представляю, как его включить?

Е в д о к и м о в. Наш физик – теоретик. Есть физики практики, а есть теоретики. Так он у нас – теоретик! Бьюсь об заклад, он понятия не имеет, как к вашему агрегату подступиться. (Хохочет.)

А н н а С е р г е е в н а. Глупо, Евдокимов! Нельзя шутить до бесконечности!

Появляется Лора.

Л о р а. Что надо делать?

А н н а С е р г е е в н а. Расставляйте тарелки и режьте хлеб. А где же наша милая дама?

Л о р а. Выясняет отношения с мужем. Кто где был ночью.

Е в д о к и м о в. Теоретики, они такие! (Смеется. Улыбнулась и Лора. Смотрит на Лору.) Джоконда! Вы только посмотрите на нее – Джоконда!

А н н а С е р г е е в н а. Хватит, Евдокимов, вы надоели!

Е в д о к и м о в. Я всегда вам надоедаю. Особенно, когда говорю комплименты другим женщинам. Лора, нас связывает работа. Надеюсь, вы это уже поняли?

А н н а С е р г е е в н а. Ей-то какое дело? Верно, Лариса? Не замуж же ей за вас выходить?

Е в д о к и м о в. А почему бы и нет?

А н н а С е р г е е в н а. Он великий обманщик! Он годится вам в отцы!

Е в д о к и м о в. Что вы понимаете, женщины? Что вы понимаете?

Появляются Дубровин и Рита. Рита причесана, но все равно выглядит опущенно и небрежно.

А н н а С е р г е е в н а. Товарищ физик... Простите, не знаю вашего отчества...

Д у б р о в и н. Виктор Иванович...

А н н а С е р г е е в н а. Мы в вас нуждаемся, Виктор Иванович.

Е в д о к и м о в. Проблема, надо сказать, глобального масштаба – сунуть выключатель в розетку.

С шумом появляются Мостовой и солдаты. Солдаты несут какие-то большие, тяжелые, брезентовые тюки. Уносят по подвальной лестнице вниз.

Ю л я(закрывает лицо руками, кричит). Феликс! Там – Феликс!

Е в д о к и м о в. Какой Феликс, детка? Ты что? (Стискивает ее руки, обнимает за плечи.)
Успокойся, милая, успокойся...

Ю л я(бьется в истерике). Там – Феликс! Феликс!

Е в д о к и м о в. О, Господи!

Ю л я. Что они с ним сделали? Что?

Е в д о к и м о в(трясет ее за плечи). Не говори глупости!

Ю л я. Что они с ним сделали?

Показался Мостовой. Посмотрел на Юлю.

М о с т о в о й. Дайте девушке что-нибудь успокоительное... (После паузы.) Ей надо перейти в двадцать первый номер. Здесь не очень уютно.

А н н а С е р г е е в н а. В двадцать первом номере очень строгая дама, бухгалтер...

М о с т о в о й. Она уехала.

Гробовая тишина.

А н н а С е р г е е в н а(после паузы). Она уехала, а мы – нет?

М о с т о в о й. Она уехала, а вы – нет.

Ш

Холл второго этажа. На диване сидит Волошин. Поодаль расположилась Люся, разложив вокруг себя какие-то куски. Появляется Евдокимов.

Е в д о к и м о в. Волошин, слышишь, пошли в кабак! Музыка включим, побалдеем, вспомним жизнь на воле! А? Волошин? Не хочешь? (Посмотрел на Люсю.) Все ешь, малыш?

Л ю с я. Мама за мной не приехала. У нее – санитарный день. Когда у нее санитарный день, она за мной не приезжает.

Е в д о к и м о в. Где же ты спать будешь?

Л ю с я. А диван у меня в бытовке. Как у мамы санитарный день, я на диване в бытовке сплю. Там тепло! У меня все есть. Подушка есть. Одеяло. Мыло есть. «Балет». Одна женщина подарила. Пахнет очень хорошо.

Е в д о к и м о в. И часто у твоей мамы санитарный день?

Л ю с я. Два раза в неделю. Расколи орех!

Евдокимов зажал грецкий орех между ладонями, расколел.

Ты силь-ный!

Е в д о к и м о в (вздыхнул). Работа была такая...

Появилась Лора, медленно прогуливается по холлу.

(Следит за ней взглядом.) Кра-савица! Джоконда!

Л о р а. У вашей Анны Сергеевны голова болит.

Вышла Анна Сергеевна, сжимает виски руками.

А н н а С е р г е е в н а. Ужасно болит голова! Просто невыносимо! У меня отвратительные сосуды!

Е в д о к и м о в. Так выпейте что-нибудь такое, сосудистое.

А н н а С е р г е е в н а. Нет, нет... Никаких таблеток! Это мой принцип! Организм должен справляться сам! (Ходит взад и вперед по холлу.) Я вам говорила, Евдокимов! Я знала, что этим кончится!

Е в д о к и м о в. Сплюньте три раза, дражайшая! У вас, на мой взгляд, просто железное здоровье!

А н н а С е р г е е в н а. Это только на первый взгляд! (Подошла к окну.) И – погода! Ужасная погода, ужасная!

Е в д о к и м о в. Ну почему? Вполне живописно. В изысканно-серой гамме!

А н н а С е р г е е в н а. Не надо шутить... Не надо шутить! (Срывается на истерику.) Не надо шутить!

Из номера показалась Рита.

Р и т а. Да заткнетесь вы, наконец?

А н н а С е р г е е в н а (ошеломлена.) Что? Это вы мне?

Р и т а. Да, вам! Вам! Головная боль – это еще не проблема, можно и потерпеть! Нет, всех достала!

А н н а С е р г е е в н а (после паузы). Дорогая моя, вы плохо воспитаны.

Р и т а. Я воспитала лучше вас! Во всяком случае, я не мучаю окружающих своими физиологическими ощущениями – своими изжогами и бурчанием в животе! Я не разглагольствую, какой я замечательный критик и как я чувствую гармонию форм! Я не храплю по ночам, как... я не знаю кто! Да вы нас задавили собой! Вас слишком много!

А н н а С е р г е е в н а (после паузы). ...Разве я храплю?

Р и т а. Как рота солдат. Не изображайте из себя Дюймовочку!

Высказавшись, Рита ушла в номер, закрыла за собой дверь. Пауза.

А н н а С е р г е е в н а. Случайные люди... Ужасно! (Быстро пошла в другой конец коридора.)

В о л о ш и н. Что бы вы сказали в плаванье?

Е в д о к и м о в(после паузы). Волошин, зачем ты с корабля ушел? А? Плавал бы себе, как рыбка... на просторе... Писал свои морины... Балдел! Ведь, если честно, лучше своих морских акварелек ты ничего не сделал.

В о л о ш и н. Ну и что?

Е в д о к и м о в(захохотал). Как она ее? А? Не изображайте из себя Дюймовочку! Ну дала! Дюймовочка!

В о л о ш и н(укоризненно). Николай Иванович...

Е в д о к и м о в. А я как завижу нашу Анну Сергеевну, тут же впадаю в подхалимаж!

В о л о ш и н. Не преувеличивайте.

Е в д о к и м о в. Клянусь! Это у меня на уровне селезенки. Рабская душа! (После паузы.) Конечно. по идиотски прожил! И ведь талант был...

В о л о ш и н. Почему был?

Е в д о к и м о в. Волошин, ведь я, если подумать, никогда не делал то, что чувствовал. Вот так, целиком, до конца! Всегда передо мной стояла какая-нибудь Анна Сергеевна... Не с парт.билетом, так с толстым кошельком. Не та, так другая. Со своим представлением о прекрасном! (После паузы.) Поэтому не оставляю я после себя ни одного настоящего произведения искусства... Обидно.

В о л о ш и н. Ничего, выйдем отсюда, по-другому заговорите.

Е в д о к и м о в. А, что там, что здесь. Мы с вами и так в тюрьме полжизни прожили. Где-то читал, не помню...Мужик двадцать лет отсидел, вышел на волю и стал маяться. Душа-то к тюрьме уже прикипела. Поведенческий стереотип! Все в доме устроил, как в тюрьме – побудка, отбой... Гулять стал ходить к тюрьме, любоваться на тюремный пейзаж... (После паузы.) Вот и нам с вами тюрьма уже в нутро въелась.

Мимо прошла Лора.

Хороша, да? Бедро, грудь... Живет, дышит... Дви-жет-ся... Атомы, молекулы, обмен веществ... Вот где чудо природы, тайна тайн... Свобода, свобода! Без всяких там идей и тенденций. Без измов! Ненавижу зомбированную толпу с ее измами! Сегодня одни – завтра другие. Ненавижу толпы и революции! Там где революции – там тюрьмы. (После паузы.) Волошин, мы не стоим волоска на ее голове. Виват! (После паузы.) Ты меня не слушаешь?

В о л о ш и н. Почему? Слушаю.

Е в д о к и м о в. Вообще-то, есть у тебя, Волошин, и хорошие качества. Особенно в сравнении с другими административными жлобами. Ты не злой, не завистливый. Наверное, это потому, что ты – стопроцентный Аполлон Бельведерский... Довольно-таки здоровое животное.

В о л о ш и н(задумчиво). Она... да! Бедро... Грудь...

Е в д о к и м о в. Тьфу, пошляк! Все испортил! Все! Напрочь! Душа моя, а ведь ты меня не понимаешь!..

Вернулась Анна Сергеевна.

Как наша драгоценная?

А н н а С е р г е е в н а. Спасибо, Евдокимов, мне легче.

Е в д о к и м о в. Справились?

А н н а С е р г е е в н а. Справилась.

Е в д о к и м о в. Ну и молодцом!

А н н а С е р г е е в н а. Я со всем справляюсь сама... У одинокой женщины моих лет, Евдокимов, другого выхода нет. Я со всем справляюсь сама. У меня к вам одна просьба... Проводите меня в мой номер...

1У

Комната администратора на первом этаже. За окном появляется Евдокимов. Через приоткрытую форточку дотягивается до шпингалета, открывает окно и проникает в комнату. За дверью раздаются шаги, Евдокимов прячется за портьеру. Входит Мостовой. Садится на стул у стены, вытягивает ноги, закрывает глаза. В дверь стучат.

М о с т о в о й. Войдите!

Входит Рита.

Р и т а. Добрый вечер.

М о с т о в о й. Что вам?

Р и т а. Вы не очень гостеприимны.

М о с т о в о й. Опять хотите поспать?

Р и т а. Не бойтесь, не с вами.

М о с т о в о й. Что мне бояться? Вы – красивая женщина, только немного опустились.

Р и т а. Я пришла не кокетничать...

М о л с т о в о й. Но, если и кокетничать, то весьма странным образом.

Р и т а. Мне нужна хоть какая-то информация... Это невыносимо, наконец! Я чувствую себя ужасно! Я всегда не любила лифты... замкнутые помещения... Клаустрофобия у меня, понимаете? Хоть какая-то информация!

М о с т о в о й. Вы же знаете, я не информационное бюро. Справок не даю.

Р и т а. Самодовольный болван!

М о с т о в о й. А вот это уже зря... Не позволяйте себе так много. Я могу и рассердиться...

Р и т а(после паузы, подошла к нему, положила руки на плечи). Обнимите меня! Ну... В трудные минуты мне всегда помогали мужчины.

Пауза.

М о с т о в о й(смотрит на портьеру). Пока я ничем не могу вам помочь... (Снял ее руки со своих плеч.) Успокойтесь... Возьмите себя в руки и идите к себе.

Р и т а. К этим ублюдочным теткам?

М о с т о в о й. Люди везде люди. Они не хуже других.

Р и т а. Вы не мужчина.

М о с т о в о й. Возможно.

Р и т а. Вы. Не мужчина. Мужчины как вид выродились.

Рита быстро ушла. Мостовой закрыл за ней дверь, резко обернулся, выхватил пистолет.

М о с т о в о й. Выходите немедленно или я прострелю эту занавеску!

Из портьеры, путаясь в ней, выбирается Евдокимов.

Скульптор? Что вам тут надо, скульптор? Слишком много самодеятельности. Может, посадить вас под арест?

Е в д о к и м о в(хрипло). Куда? (После паузы.) В ваш подвал?

М о с т о в о й. Найдем, куда. Было бы желание. Вы знаете, что я уполномочен вести себя по своему усмотрению. Вы знаете, что это такое?

Е в д о к и м о в(хмуро). Догадываюсь...

Пауза.

М о с т о в о й. Хотели позвонить? Звоните!

Е в д о к и м о в. Не надо издеваться. Вы отключили телефон.

М о с т о в о й. Я его не отключал. (После паузы.) Он сам сдох.

Е в д о к и м о в. Я вам не верю.

Пауза. Мостовой, обессиленный бессонными ночами, на секунду расслабился, положил пистолет на стол, трет руками виски. Каким-то невероятным прыжком Евдокимов оказывается рядом и хватает

пистолет.

М о с т о в о й. Положите на место... Положите на место... или стреляйте к чертовой матери!.. Думаете, так просто – убить человека? Это – профессия.

Мостовой подошел к Евдокимову и взял пистолет у него из рук.

Идите...

Е в д о к и м о в. ...Куда?

М о с т о в о й. В номер. (После паузы.) Идите, кому говорят!

Евдокимов медленно идет к дверям. Он напряжен, словно ждет, что в любой момент что-то произойдет. Или ему выстрелят в спину.

Е в д о к и м о в (в дверях, остановился, стоит спиной). Что вы сделали с этим мальчиком? С женщиной, бухгалтером?

М о с т о в о й. Лично я – ничего.

Евдокимов поднимается вверх, стучит в дверь своего номера.

Е в д о к и м о в. Але? Волошин! Проснитесь, к чертовой матери!

(Яросто стучит в дверь.)

Дверь открывает Волошин.

Ну и спать ты горазд! Не достучишься.

Из номера выходит Лора, по дороге застегивая сброшенный халат, и спокойно, со своим бесстрастным выражением на лице, неторопливо уходит по коридору. Евдокимов стоит, как столб на пороге номера.

В о л о ш и н. Что вы... Николай Иванович... Заходите...

Е в д о к и м о в. Ну и скотина же ты, моряк! Грязная свинья!

В о л о ш и н. Да вы что, Николай Иванович?

Е в д о к и м о в. Ну и скотина!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Раннее утро. Еще не рассвело. По темному холлу крадется Дубровин. На диване зашевелился чей-то силуэт.

Д у б р о в и н. Кто здесь?

Е в д о к и м о в. Я...

Д у б р о в и н(после паузы). Что вы тут делаете?

Е в д о к и м о в. Сами видите... Сплю...

Д у б р о в и н. Выключатель далеко?

Е в д о к и м о в. Свет не горит. В туалете тоже.

Дубровин проходит дальше по коридору к номеру, в котором живет Рита.

Это не туда.

Д у б р о в и н. Я знаю... (Повернулся, ударился об угол, даже вскрикнул.)

Е в д о к и м о в. Спички есть?

Д у б р о в и н. Зажигалка.

Вспыхнул язычок пламени.

Е в д о к и м о в. Виват науке!

Дубровин исчез в туалете, скоро вернулся.

Обошлись без увечий?

Д у б р о в и н. Спасибо. (После паузы.) А вы что тут?

Е в д о к и м о в. Слишком много вопросов! (После паузы.) Жду рассвет!

Д у б р о в и н. У вас какая бритва?

Е в д о к и м о в. Электрическая. А у вас?

Д у б р о в и н. Тоже.

Е в д о к и м о в. Придется надевать белую рубашку. На случай, когда я не брит, у меня всегда есть белая рубашка.

Дубровин отрешенно садится рядом.

Перебирайтесь-ка к нам. У нас веселее. В конце коридора полно свободных комнат. Мы тут жмемся, а в конце коридора оказалось полным полно свободных комнат. Насколько я понимаю, в первые дни... уехали... (После паузы.) Слава Богу, светает! Теперь проживем и без электричества. Который раз вы женаты?

Д у б р о в и н. Первый. А что?

Е в д о к и м о в. Я, между прочим, так и подумал. Мы с вами похожи. Дело не в количестве браков, у меня их было побольше... (После паузы.) Я учился в паскудном, провинциальном художественном вузе. Общежитие... Ну вы сами понимаете... Клоака. Не смотря на это я еще долго оставался чистым и искренним молодым человеком. Да и сейчас для меня перейти какую-то черту с женщиной не стакан воды выпить, как у некоторых. Для меня и сейчас это что-то святое. Хотя, каюсь, к женщинам меня тянуло ужасно. Первая жена мне попалась потрясающая. Умница, интеллигентка! Улыбочка у нее была одна такая... особенная... скорбная... Я вляпаюсь, сделаю какую-нибудь пакость, приволокнусь у ней на глазах... Она – ни слова, только эта улыбочка... Она же от меня и ушла... Хотя и любила. И правильно сделала. (После паузы.) К женщинам надо относиться просто, реалистически... Или они нам рога ставят, или мы им. (Поднялся, пошел к себе в номер, волоча за собой одеяло.) Пора приводить себя в порядок... Так нельзя, так мы дойдем! Физик, надевай белую рубашку!

Евдокимов скрылся в своем номере. Дубровин ушел вниз. Между тем, в холле второго этажа оживление. Прошла сонная Лора. Направилась вниз, на кухню, Анна Сергеевна. Возвращается Евдокимов, он в мятой белой рубашке. На лице брезгливо-мученическое выражение. На ходу застегивает рубашку, устраивается на диване, на прежнем месте. Показывается Волошин, лицо в мыльной пенке, в руках бритва «Жиллет».

В о л о ш и н. Николай Иванович, да я даже не думал... В конце-концов, ну вы как маленький...

Е в д о к и м о в. Помолчи, пожалуйста, не утомляй! (После паузы.) Я уже на тебя кое-что потратил, я с тобой говорил.

В о л о ш и н. Я не понимаю...

Е в д о к и м о в. Да бесполезно с тобой говорить, бесполезно!

В о л о ш и н(взрывается). Конечно, я же для вас посредственность! А вы у нас – Роден, Гудон!

Е в д о к и м о в. Да все вы ничтожества! И комплекс у вас у всех один – самоутвердиться за чужой счет! У ничтожеств другого комплекса не бывает!

В о л о ш и н. Вы раздражены, я не обращаю внимания. Я совсем не хочу с вами ссориться. Не могли сразу сказать, что она вам нравится?

Снизу вбегают взволнованная Анна Сергеевна.

А н н а С е р г е е в н а. Товарищи, дорогие! Я же не могу с ней справиться! Она все сухари съест! Она такая здоровая!

Е в д о к и м о в. Кто?

А н н а С е р г е е в н а. Кто-кто! Ваша любимая Люся! Мне сказали разделить сухари на суточные порции... Я разложила в целлофановые мешочки... Сейчас прихожу... Да что мы стоим? Она же все съест!

Появляется Люся с наволочкой, полной сухарей.

(Осторожно к ней приближается.) Люсенька, дорогая, отдай сухарики... Они ведь не только для тебя – они для всех! Для всех! На несколько дней, вместо хлеба. У нас же уже нет хлеба!

Анна Сергеевна хватывает наволочку за край и тянет к себе, Люся же обеими руками прижимает ее к животу и что-то мычит.

Отдай, Люсенька... Ну, не упрямься! (Волошину, уже покончившему с бритьем.) Волошин, помогите, черт вас возьми!

Волошин присоединяется к Анне Сергеевне, пытается отнять у Люси наволочку с сухарями. Люся не отпускает, начинает истошно вопить.

О! Ужас! Ужас! Люся, это для всех! Это не твое!

Волошин начинает действовать решительнее, разжимает у Люси руки, отбирает наволочку. Люсе больно, она вопит еще громче, отчаянно цепляется за наволочку, та рвется, сухари рассыпаются по полу. Анна Сергеевна принимается собирать сухари. Волошин силой заставляет Люсю сесть на диван.

В о л о ш и н (Поймал взгляд Евдокимова). Ну что вы на меня так смотрите? Тут этих сухарей и на пять дней не будет.

Л ю с я (воет). У-у-у!.. Жадные!

А н н а С е р г е е в н а. Люсенька, дело не в том, что жадные. Дело в том, что сухари для всех.

Л ю с я. Жа-дю-ги!

А н н а С е р г е е в н а. Нельзя так много есть. Вредно.

Л ю с я. Когда я не поем, у меня живот болит.

А н н а С е р г е е в н а. Понятно, что болит. Это от распущенности. Ты разбила себе желудок.

Е в д о к и м о в. Отдайте ей мою порцию.

А н н а С е р г е е в н а. Евдокимов, не валяйте дурака!

Е в д о к и м о в. Кажется, я сказал.

А н н а С е р г е е в н а (после паузы). Вот тебе, Люся, три сухаря... Только, пожалуйста, не вой...

Вышла Рита.

Р и т а. Что, нет воды?

В о л о ш и н. Недавно еще была.

А н н а С е р г е е в н а. На первом этаже немного течет...

Р и т а. Так можно и завшиветь.

Е в д о к и м о в. Я предложил вашему мужу перебраться наверх – есть свободные номера.

Р и т а. Вы предлагаете нам воссоединить семью?

А н н а С е р г е е в н а. Воссоедините, пожалуйста, вашу семью! Воссоедините!

Р и т а(прошла по коридору, заглянула в один из номеров). Мне там не нравится.

А н н а С е р г е е в н а. А у нас нравится?

Р и т а. Я уже привыкла.

А н н а С е р г е е в н а. Нас трое. Лепимся кровать к кровати.

Р и т а. Не уговаривайте меня! Мне лучше знать, где мне лучше!

Л ю с я(опять начинает вопить). Живот болит! Жи-вот болит!

Е в д о к и м о в. Я, кажется, сказал, чтобы вы отдали ей мою порцию! Сказал или нет?

А н н а С е р г е е в н а. Да Боже мой! Что, мне больше всех нужно? (В истерике сует Люсе наволочку с сухарями.) Пусть все ест! Пусть все сожрет! Все!

П

По вестибюлю первого этажа быстро ходит взволнованный Волошин. Из ресторана выходят Рита и Лора.

Р и т а. После таких трапез хорошо чего-нибудь пожевать. У меня печенье есть, пойдемте, угощу...

За ними выходит Дубровин.

Д у б р о в и н. Рита?..

Р и т а(отстала). Говори быстрее, я тороплюсь.

Д у б р о в и н. Мне сказали... есть свободные номера... (Рита смотрит в сторону.) Тебе что, лучше с ними?

Р и т а(после паузы). Лучше. Они – чужие. Конечно, с ними лучше!

Рита быстро побежала наверх, Дубровин сел в кресло, уставился в потолок. Из ресторана вышел Евдокимов. Волошин бросился к нему.

В о л о ш и н. Николай Иванович...

Евдокимов не обернулся.

Николай Иванович! Подите вы к дьяволу, это слишком серьезно!

Е в д о к и м о в(сухо). Что вам?

В о л о ш и н(тихо). Нет охраны...

Е в д о к и м о в. Что?

В о л о ш и н. Охраны нет! Солдат! Ни одного человека! И машины их нет!

Е в д о к и м о в(подходит к входной двери, осторожно приоткрывает, выглядывает).
Похоже...

В о л о ш и н. Все время кто-то да был! А тут – никого! Иди хоть на все четыре стороны.
(Распахивает входную дверь.)

Е в д о к и м о в(закрывает дверь). Не стоит...

В о л о ш и н. Вы же знаете, тут до города два часа ходьбы. На машине всего ничего.
Шоссе рядом. Вы что, не помните?

Неожиданно появилась Анна Сергеевна.

А н н а С е р г е е в н а. Не выдумывайте, Волошин! Я знаю ваш характер. Вобьете себе в голову! Вы же должны понимать, что скоро все это кончится.

В о л о ш и н. Вы, ей Богу, как первый раз родились! (С интонацией Люси.) Мама за мной приедет! Не приедет за вами мами! (После паузы.) У меня окончательно пропало желание грызть эти ваши паскудные сухари!

Быстро ушел наверх.

Е в д о к и м о в. С таким торсом, да...

Волошин спускается с дипломатом.

А я-то думал, вы выдержаннее меня.

В о л о ш и н. Выдержка здесь не при чем! Может, я не самый лучший художник, я и сам знаю. Но трусом я никогда не был.

Волошин ушел.

Е в д о к и м о в. Красивым был, собака...

А н н а С е р г е е в н а. Евдокимов, остановите его! Я боюсь!

Е в д о к и м о в. У каждого из нас есть право на выбор.

Подошла Лора.

Что, Джокондочка, не хотите прогуляться?

Л о р а. А разве можно?

Е в д о к и м о в(кивнул вслед ушедшему Волошину). Ему – можно. Хотите составить компанию?

Л о р а. Меня не звали...

Е в д о к и м о в. А вы будьте поактивнее. Женщина должна быть активной, иначе не с чем останется.

А н н а С е р г е е в н а. Евдокимов, почему вы его не остановили? Вы же имеете на него влияние! Нет, вы еще ничего не пережили...

А я осталась сиротой после войны, разута-раздета... Все время есть хотелось... А, что говорить? Что говорить! Кто много пережил, у того всегда есть терпение. У каждого свои тайны, свое одиночество и свое терпение. Жизнь не перебороть. Одному больше везет, другому меньше. Но я не знаю человека, который бы жизнь переборол. Надо уметь терпеть!

Евдокимов прошелся по вестибюлю, подошел к погруженному в себя Дубровину.

Е в д о к и м о в. Физик, не хотите прогуляться? Мы – свободны! Кто хочет прогуляться? Кто хочет прогуляться?

Показалась Люся со шваброй.

А ты, крошка, уже за работой? Молодец! Умница ты наша!

Л ю с я(самодовольно). Да, меня всегда хвалят. Я хорошо работаю.

Е в д о к и м о в. Что же ты пол моешь... без воды?

Л ю с я(старательно трет пол сухой тряпкой). Хорошо мою. Как учили, так и мою.

Ш

Холл второго этажа. У окна – Евдокимов. Выходит Рита.

Р и т а. Как все-таки помыть голову? Меня что-то стали угнетать насекомые... Я потомственный городской житель. Я – урбанистка. Кругом жучки, паучки, моль... Крошечные такие муравьи.

Е в д о к и м о в(расслабленно валится в кресло). Не трогайте муравьев, у них – царство разума, гармонии! Природа победит! Что осталось от всех ваших древнейших цивилизаций? Что? Трава, обломки, муравьи...

Вышла Анна Сергеевна в обтягивающем трико.

А н н а С е р г е е в н а. Двигаться, ходить! Движение – это жизнь! Движение! Темп! Скорость! Вы слышите, Евдокимов, какие слова я произношу?

Е в д о к и м о в. Слышу... (После паузы. Рассеянно.) Ну? Какие слова?

А н н а С е р г е е в н а. Вы меня не слушаете.

Е в д о к и м о в. Слушаю.

А н н а С е р г е е в н а. Я говорю – темп, движение, скорость! Я произношу дерзкие слова, активные! Агрессивные, если хотите. А знаете, что было бы, если бы и я села, как вы, вот так, развалясь... И говорила бы... Рыхлость... Вялость... Меланхолия... Вы понимаете? Вялые слова! Слабенькие... Да я бы уже давно раскисла, Евдокимов.

Е в д о к и м о в. Да ну?

А н н а С е р г е е в н а. Раскисла бы, раскисла! Я бы давно уже раскисла!

Е в д о к и м о в. Я всегда подозревал в вас какой-то бешеный источник энергии.

А н н а С е р г е е в н а. Не бешены, а самый что ни на есть примитивный. Жить хочется! С вшами, без вшей! Можно подумать, я не знаю, что это такое.

Е в д о к и м о в. А вы неплохо преуспели с этим своим инстинктом. Сколько вы книг выпустили? Три или четыре? Советская скульптура!

А н н а С е р г е е в н а. Две. Но это тоже неплохо. И вы не прибедняйтесь, свободолюб. И вы достаточно преуспели с этим своим инстинктом. Вы у нас героев труда, космонавтов и героев революции не увековечивали? Званий-то одних сколько нахватили?

Е в д о к и м о в. Увековечивал... Я увековечивал, вы похваливали.

Сейчас увековечиваю голых баб. Что буду увековечивать завтра, еще не знаю... Не объявили!

А н н а С е р г е е в н а. Вы меня отвлекаете! Итак, темп, движение, скорость!

Появляется Люся. На ее лице злое, ожесточенное выражение.

Л ю с я. Ничего не дают... Жадные стали... Всегда давали, а сейчас не дают... Живот болит! Вам бы так, у, жадюги! Бо-лит жи-вот!

Е в д о к и м о в. На этом фоне стоит особенно уважать муравьев, с их инстинктом рода, а не собственной шкуры.

А н н а С е р г е е в н а. Не надо преувеличивать. Итак, темп, движение, скорость!

Л ю с я. Жи-вот бо-лит!

Е в д о к и м о в. Дайте ей что-нибудь.

А н н а С е р г е е в н а. Не выдумывайте! Она же нас шантажирует! Неужели вы не понимаете? Уж на это-то у ней ума хватит. Просто она привыкла к этому своему дикому, дурному обжорству! Ну, пусть в другое время люди развлекаются на нее глядя, а сейчас, когда каждый кусок на счету?

Л ю с я- У-у-у...

А н н а С е р г е е в н а(жестко). Люся, не вой! Не болит у тебя живот!

Л ю с я. Да, не болит! Тебе бы так!

Выходит Юля.

А н н а С е р г е е в н а(заботливо). Девочка, ты не завтракала?

Ю л я(качает головой, улыбается). Н-ет...

А н н а С е р г е е в н а. А вчера ты ужинала? По-моему, тоже нет?

Ю л я. Я не хочу...

А н н а С е р г е е в н а. Как же так можно? Не ужинать, не завтракать. Хочу – не хочу, дело десятое. Есть порядок! Порядок!

Ю л я. Да не хочу я...

Юля садится на диван – на ее лице блуждает глуповатая, счастливая улыбка.

Л ю с я. Фу, как пахнет! Фу! Плохо пахнет!

Евдокимов вскочил, подошел к Юле.

Е в д о к и м о в. Она чего-то нанюхалась!

А н н а С е р г е е в н а(растерялась). Я слышала, да... Но я не сталкивалась никогда!

Е в д о к и м о в(всматривается в Юлино лицо). Проверьте у нее в номере, заберите все! Одеколон, зубную пасту, капли в нос, все!

Анна Сергеевна ушла, но быстро вернулась.

А н н а С е р г е е в н а. Ничего там нет. У нее нет вещей.

Е в д о к и м о в. Эти находят! Все заберите! Все!

Ю л я. Что вам надо?

Е в д о к и м о в(трясет ее за плечи). Чтоб это было в последний раз! Слышишь? В последний раз! Ты меня поняла?

Ю л я(приходит в себя). Оставьте меня...

Е в д о к и м о в. Накормите ее! В конце-концов, уж за ребенком могли бы проследить!

А н н а С е р г е е в н а(тянет Юлю за собой). Пойдем, девочка, пойдем! И не капризничай, пожалуйста. Нам тут не до капризов!

Ю л я(отмахивается). Да не хочу я!

А н н а С е р г е е в н а. Пойдем, пойдем... Пойдем, девочка!

Ю л я. У девочки есть имя.

А н н а С е р г е е в н а(терпеливо). Ну и как же тебя зовут?

Ю л я(с ненавистью). Не тебя, а вас!

А н н а С е р г е е в н а(после паузы). Как же... вас зовут?

Ю л я. Нас зовут -- Юля.

А н н а С е р г е е в н а. Очень приятно. Пойдем, Юля, пойдем... (Обернулась, Евдокимову.) Боже, что за поколение!

Анна Сергеевна с Юлей уходят.

Л ю с я. А я? Я тоже хочу! И я хочу!

Люся, тяжело переваливаясь, побежала за Юлей и Анной Сергеевной. Из одного из номеров появился Дубровин, подошел к номеру жены, но зайти не решился.

Е в д о к и м о в. Да ладно тебе, физик! Не до баб-с! Как наше положение, как считаешь?

Д у б р о в и н. Я-то откуда знаю?

Е в д о к и м о в. Просто интересно, как ты к этому относишься?

Д у б р о в и н(раздраженно). А что я? Что я?

Е в д о к и м о в. Ты все-таки ученый, человек, царь природы!

Д у б р о в и н. Да ладно вам! Слишком много слов.

Е в д о к и м о в. Вчера еще хорохорился... Кембридж! Кембридж!

Д у б р о в и н. Вчера и вы были другим.

Е в д о к и м о в. А Бог его знает, кем я был... какой от меня толк? Трава вырастет и муравьи побегут. И это называется – из биосферы в ноосферу! Ай, физик, не надо мир менять, сам по себе он очень даже неплох. Надо менять только нас с вами. Тем более, людей почему-то всегда больше всего занимали они сами! (Захохотал.) Вот мы с вами здесь, можно сказать, доходим! А вы сходите с ума только потому, что ваша жена не хочет с вами спать! Что вам сейчас все беды человеческие! Вам – вынь, да положь! Не ваша она, физик! Она – своя собственная.

Появляются Анна Сергеевна и Юля, за ними плетется Люся.

А н н а С е р г е е в н а. Вы думаете, она ела? Она ничего не ела!

Ю л я. Да не хочу я... Оставьте меня...

А н н а С е р г е е в н а. Эта... за ней все и съела. Евдокимов, еще немного и я спячу! Вот так – шарик за ролик. Мне кажется – это очень просто – шарик за ролик, шарик за ролик...

Е в д о к и м о в. Вы? Вы никогда не спятите! Не тот типаж.

Юля и Люся устроились в глубине холла. Вдруг они начинают хихикать каким-то ужасающе одинаковым, идиотским смехом.

А н н а С е р г е е в н а(с ужасом). Опять этот запах... Вы чувствуете? Откуда, Евдокимов?

Е в д о к и м о в(быстро подходит к Юле, срывает с нее шарф). Я говорил – все убрать, все! Я говорил, если надо, они находят! Зачем, девочка, зачем? Ведь ты станешь идиоткой! Бог дал тебе разум, красоту, здоровье! Зачем?

Юля тупо смеется ему в ответ.

Самое естественное чувство для молодого, живого существа – это радость! Радость жизни!

Юля вызывающе мычит, Люся радостно ей подтягивает.

(После паузы. Тихо. Держится рукой за сердце.) У нас здесь... уже совсем нет воздуха...

Идет вниз, к входным дверям. Анна Сергеевна бежит следом, застывает на лестнице.

А н н а С е р г е е в н а. Евдокимов! Не делайте глупостей! Слышите меня? Не делайте глупостей!

Евдокимов широко распахивает входную дверь – за ней ослепительный солнечный день.

Не впадайте в крайность!

Пауза. Евдокимов закрывает дверь, оставляя лишь узкую щелку, через которую пробивается луч света. Опустошенный садится напротив.

Пауза. Анна Сергеевна прошла в ресторан. Вышла заспанная Рита.

Села на ступеньки.

Р и т а. Скоро я совсем отупею от этого сна. (Вытащила зеркальце, глянула.) Ну и физиономия! Когда весь этот ужас кончится, сделаю роскошный обед и приглашу всех в гости. Ну, если не всех, то вас обязательно. Вы, по-моему, здесь самый симпатичный. (Роется в сумочке.) Послушайте, у нас же ключ остался в машине! Так мы и домой не попадем.

Рита возвращается наверх, стучит в номер к мужу.

Р и т а. Профессор! Але! Ты не помнишь, мы оставили запасной ключ соседям?

Открывается дверь. На пороге Дубровин. Рита заглядывает ему через плечо. То, что она видит, настолько для нее неожиданно, что она резко поворачивается на каблуках.

Д у б р о в и н. Что ты хотела?

Р и т а. Не помню, оставили мы запасной ключ соседям?.. Наш остался в машине...

Д у б р о в и н(с вызовом). Не думаю, что это сейчас так важно!

Из-за плеча Дубровина вышла Лора, пошла по коридору. С невозмутимым лицом, со своей степенной походкой.

Ю л я(хихикает). Посмотрите на нее! Она ест бумагу!

Л ю с я(снисходительно). Что я, дура, что ли? Буду я есть бумагу? Что я, дура что ли?

Ю л я. Посмотрите, посмотрите!

Л ю с я. Что я, дура что ли?

Ю л я(протягивает ей жевательную резинку). Посмотрите!

Л ю с я(сует резинку в рот прямо с оберткой, неторопливо жует). Не люблю я эти резинки, жуешь-жуешь, потом выплевывай!

1У

Вечер. Холл. Тусклое освещение. Прохаживается Евдокимов. Иногда выглядывает в окно. Прислушивается. Пару раз из окна раздается негромкий свист. Показался Дубровин.

Д у б р о в и н. Николай Иванович, вы еще не спите?

Е в д о к и м о в. Как видите...

Д у б р о в и н. Можно, я переберусь к вам?

Е в д о к и м о в. Перебирайтесь.

Дубровин скрылся в своем номере, но скоро показался с дорожной сумкой, мыльницей и зубной щеткой. Прошел в номер Евдокимова, но тотчас вышел опять.

Д у б р о в и н. Николай Иванович...

Е в д о к и м о в. Ну?

Д у б р о в и н. А вы?

Е в д о к и м о в. Я еще посижу.

Дубровин ушел Между тем, Евдокимов спустился на первый этаж в вестибюль, прохаживается у входных дверей. Опять пришел Дубровин.

Д у б р о в и н. Вот ведь, глупость какая! Не могу один.

Е в д о к и м о в. Нервы!

Д у б р о в и н. А у вас нет? Мечитесь весь вечер, я же вижу...

Е в д о к и м о в. Значит, и у меня нервы. У всех – нервы.

Теперь негромкий свист слышен у входных дверей.

Слышите?

Д у б р о в и н. Ну?

Свист повторяется.

Е в д о к и м о в. Слышите?

Д у б р о в и н. Слышу...

Евдокимов собирается отпереть дверь.

Может, не надо?

Е в д о к и м о в. А, физик, что мы теряем?

Евдокимов отпирает дверь, открывает. Входит Волошин.

Е в д о к и м о в (искренне удивлен). Волошин? Так это ты свистел?

В о л о ш и н. Два часа вокруг хожу, хоть бы догадались! (После паузы.) Надо поговорить...

Е в д о к и м о в. Иди, физик... Иди, дорогой! Видишь, человек вернулся. Придется освободить место. Как-нибудь справишься со своими нервами.

Дубровин ушел.

В о л о ш и н (шопотом). За лесом, там, где мы ехали в субботу, солдаты насыпают дорогу. Половина – наши.

Е в д о к и м о в. А ты не ошибся?

В о л о ш и н. У меня отличная зрительная память. Уж на это не жалуюсь. Я долго сидел в кустах, хотел обойти – место открытое. К обеду приехала машина, забрала всех до одного. Я еще посидел немного, потом пошел голосовать... Пару машин проехало, я понимаю, вид у меня еще тот... Одна остановилась. Женщина. Нормальная. Лет под шестьдесят. Я ее провоцирую, мол дорогу ремонтировал. А она – да, знаю, говорит, -- тут неделю проезда не было. Как в городе? – интересуюсь. Да как обычно. Нормально? А что,

говорит, ему будет-то? Народа много. У кого – что. Каждому свое. У меня лично, говорит, совсем неплохо идут дела. Попросил остановить. Еще, говорю, пройдуся... (После паузы.) Так что, собирайтесь. Будите Анну Сергеевну.

Е в д о к и м о в. Выходит, ты за нами вернулся?

В о л о ш и н. Конечно, за вами! За кем же еще?

Е в д о к и м о в. Ну, спасибо тебе, старик. Не ожидал.

В о л о ш и н. Что ж вы думаете, я подонок какой-нибудь? Сам уйду, а вас здесь брошу?

Е в д о к и м о в. Ладно, ладно... Кто старое помянет, тому глаз вон. Подождите... Я скоро.

Евдокимов поднимается вверх, стучит в номер к Анне Сергеевне.

Анна Сергеевна!

Г о л о с Р и т ы. Нет ее!

Е в д о к и м о в. Где же она?

Г о л о с Р и т ы. На кухне! Где же еще? Она все время на кухне!

Евдокимов поворачивает назад, около лестницы сталкивается с Анной Сергеевной.

А н н а С е р г е е в н а. Евдокимов?

Е в д о к и м о в(тихо). Собирайтесь! Вернулся Волошин, мы уходим!

А н н а С е р г е е в н а. Куда?

Е в д о к и м о в. Потом поговорим. Собирайтесь!

А н н а С е р г е е в н а. Не могу же я прямо вот так?

Е в д о к и м о в. Давайте быстрее, или мы вас бросим!

А н н а С е р г е е в н а. Не надо меня бросать!

Е в д о к и м о в. Тогда быстрее!

Анна Сергеевна скрывается в своем номере, возвращается с сумкой. Спускаются по лестнице.

А н н а С е р г е е в н а. Куда мы идем?

Е в д о к и м о в. Молчите!

В о л о ш и н(выступая вперед из тени). Надо бы взять и... Лору.

Е в д о к и м о в. Я не против. Тогда бы и физика с женой.

В о л о ш и н. Это уже много.

Е в д о к и м о в. Я сейчас... (Пошел к себе, но на полдороге вернулся,) А, черт с ним, с барахлом! Главное, -- документы.

Появилась Рита.

Р и т а. Эй, куда она потащила сумку?

А н н а С е р г е е в н а. Дорогая, меня почему-то совсем не интересует ваша сумка. Почему же тогда такой интерес к моей?

Р и т а. В моей ничего интересного нет. А вот в вашей – общественные сухари. Она их откладывает, как курочка. Там и сгущенка есть!

А н н а С е р г е е в н а (захлебываясь от волнения). Это моя сгущенка! Я всегда вожу с собой сгущенку! (После паузы.) Лазить, проверять... Подлость!

Е в д о к и м о в. Мы идем?

А н н а С е р г е е в н а. Подлость! Подлость!

Показался Дубровин.

Физик, забирай свои сундуки, мы уходим!

Д у б р о в и н. Куда?

Е в д о к и м о в. В город! Бери жену и быстренько...

В о л о ш и н. Нас слишком много!

Е в д о к и м о в (вслед Дубровину). Позовите Лору!

В о л о ш и н. Мы так не договаривались.

Показалась сонная Люся.

Е в д о к и м о в. Люся, собирайся!

В о л о ш и н (взорвался). Вы с ума сошли! Я вернулся только ради вас! Я вас уважаю! А если так, я никуда не пойду!

Е в д о к и м о в (после паузы, Анне Сергеевне). Дайте сумку!

Та покорно протянула сумку, Евдокимов вытряхнул ее перед Люсей.

Ешь, малыш, питайся! Скоро мама твоя приедет! Уже скоро!

Люся с жадностью сгрэбла продукты и унесла к себе. Между тем, появились Дубровин, Рита и Лора.

В о л о ш и н. Мы так не договаривались.

Пауза. И тут входная дверь с шумом распахивается. Появляется Мостовой и два солдата. По распоряжению Мостового они направляются в подвал, сам Мостовой поворачивается к собравшимся и, вместо приветствия, прикладывает к козырьку руку.

М о с т о в о й. Завтра за вами придет автобус. Часам к двенадцати. Будьте готовы.

А н н а С е р г е е в н а. Как это... понимать?

М о с т о в о й. Так и понимайте. Завтра будете дома.

А н н а С е р г е е в н а. Господи!

Е в д о к и м о в (после паузы). И это... все?

М о с т о в о й. А что вы хотите?

Е в д о к и м о в. Что я хочу? Что мы все хотим? Какие-то объяснения! Какие-то извинения, черт возьми! (Всем.) Я не прав?

М о с т о в о й. Какие извинения, скульптор? Скажи спасибо, что живы остались.

Солдаты приносят брезентовые узлы.

Р и т а (в истерике). Что в них? Что там? Мы требуем! Мы требуем, да? Мы имеем право!

М о с т о в о й. Развяжите!..

Солдаты развязывают один из мешков, на пол летит солдатская амуниция, сапоги, каски. Пауза.

Е в д о к и м о в. ...Зачем с нами все это сделали?

М о с т о в о й. Вы имеете в виду карантин? Никто с вами ничего не делал. Что вы сами с собой сделали, -- это уже ваши проблемы.

(После паузы.) Короче, завтра в двенадцать.

Мостовой и солдаты ушли. Дверь закрылась. Пауза. Все начинают расходиться. Евдокимов подходит к двери.

А н н а С е р г е е в н а (устало). Что вы задумали, Евдокимов?

Е в д о к и м о в. Я ухожу.

А н н а С е р г е е в н а. Не выдумывайте! Завтра автобус приедет.

Е в д о к и м о в. Я не хочу, когда за мной п р и е д у т. Я хочу с а м, как с в о б о д н ы й человек! Я хочу с а м!

В о л о ш и н. Тогда я тоже пойду.

А н н а С е р г е е в н а. Что идти на ночь глядя? Темно, сыро... Трудно до завтра подождать? Переночевать, как люди, в постелях!...

Р и т а. Я тоже иду. Мы – тоже. Да, Виктор?

Д у б р о в и н. Мы идем.

А н н а С е р г е е в н а. Что ж... Я одна не останусь.

Евдокимов распахивает дверь – зияет темный провал ночи.

(Ворчит.) Не могли до утра подождать?

Е в д о к и м о в. Волошин, показывай дорогу!

В о л о ш и н. Прямо. Все прямо. До шоссе.

Евдокимов выходит первым, за ним идут все остальные.

Ушли. Тишина. Пришла Люся. На ходу дожевывает сухарь.

Л ю с я. Ну вот, пошли. А мне – полы мой. Ночь на дворе, а мне полы мой.

Появилась Юля, на губах ее блуждает улыбка.

Ю л я. Фе-ликс, Фе-ликс, Феликс!...

В темноте движутся силуэты.

А н н а С е р г е е в н а. Господи! Ноги сломать можно!

Е в д о к и м о в. Ничего. К рассвету дойдем.

К о н е ц